

Интересное в мире книг

Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна / Алейда Ассман; пер. с нем. Б. Хлебникова; пер. англ. цитат Д. Тимофеева. — М.: Новое литературное обозрение, 2017. — 272 с. — (Б-ка журнала «Неприкосновенный запас»). — ISBN 978-5-4445-0648-7.

Во введении к своей новой книге известный немецкий историк Алейда Ассман приводит фразу, заимствованную из романа Грэма Свифта «Водоземье», вышедшего в 1983 г.: «Давным-давно, в блистательные шестидесятые, будущего было хоть отбавляй». Не прошло и двадцатилетия, как сияющее грядущее шестидесятых утратило свой блеск, превратившись в «прошедшее будущее». Под таким парадоксальным названием вышла монография известного историка Райнхарта Козеллека, убедительно продемонстрировавшая, что представления о будущем также переживают историческую трансформацию. Если раньше считалось, что историки занимаются исключительно прошлым, то новые исследования показали его взаимосвязь с различными представлениями о будущем. Ассман обращается к трактовке истории, предложенной Эрнстом Блохом, который заметил: «На карту, где нет страны под названием Утопия, не стоит и смотреть». Утопия — это метафора предчувствия, мечты о лучшем, справедливом будущем для слабых и униженных. Однако представление о будущем как надежном ориентире, задающем четкое направление планам и целям, давно отошло в прошлое. Надежды на будущее стали скромнее. Оно утратило для нас притягательную силу, перестало быть той перспективной точкой схода, к которой устремлены наши чаяния. У каждой эпохи есть свой горизонт будущего; эти горизонты могут трансформироваться. Однако применительно к нашей эпохе, как считает автор, не просто обнаружилась несостоятельность определенных прогнозов — коренным образом изменилась сама концепция будущего. Она подверглась глубокому пересмотру и переоценке. Как же произошло подобное отрезвление? Каковы причины того, что столь резко упал курс акций будущего? Ассман пытается дать ответы на эти вопросы. По ее мнению, свет будущего тускнеет на фоне аномалии привычного восприятия времени, связанного с невиданными

ранее масштабами возвращения прошлого. Эпизоды истории, которые мы считали преодоленными, навсегда оставшимися в минувшем, оживают вновь и встают перед нами. Это особенно относится к событиям, связанным с разгулом насилия, о котором можно говорить как о «континентальном сдвиге» в структуре нашего времени. Чрезмерность насилия в истории XX в. определяет растущее внимание к прошлому, необходимость ответственного отношения к нему и памяти. В культуре и политике последних лет пробудился интерес к памяти как ключевому феномену западного общества. Автор рассматривает эти вопросы, «взвешивая» шансы и риски, появляющиеся в результате сдвига в понимании прошлого и истории, и считает, что этот сдвиг в восприятии времени требует исторического и феноменологического осмысления. Изучение валоризации памяти и прошлого схватывается понятием «темпоральный режим культуры». Это форма восприятия времени, которая ритмизирует прошлое как череду значимых структур. Понятие темпорального режима позволяет сравнивать не только историографические концепции, но и вообще разные способы отношения ко времени. Речь идет о видах историчности и о том, как человечество переживает свою историю. Это открывает возможность сравнительного изучения культурной семантики темпоральных структур и ставит вопрос о «культурализации» времени. Мысль об особом вкладе культуры в форматирование времени далеко не тривиальна, ибо в рамках модернизационной парадигмы время трактуется не как продукт культуры, а как некая абстракция, недоступная для человеческих манипуляций, как чисто объективное свойство, подчиняющееся собственной, имманентной логике. Именно близость к новейшей измерительной технике и естественным наукам сделала время характерным явлением Модерна, находящимся вне сферы саморефлексии и самоисторизации. Расслоение времени в виде ценностной поляризации старого и нового служит симптомом темпорального режима, который изменяет восприятие времени и представление о смысле истории.

Собранные автором свидетельства из различных исторических эпох и областей культуры позволяют реконструировать время как сложный культурный феномен, требующий глубокого и всестороннего осмысления, выявить симптоматику кризиса Модерна и спрогнозировать

необходимые изменения в нашем отношении к будущему. Книга может быть полезной не только специалистам по историографии, культурологии и философии культуры, но и широкому кругу читателей, интересующихся исторической памятью и мемориальной культурой.

Урри Дж. *Офшоры = Offshoring / Джон Урри.* — М.: Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2017. — 288 с. — ISBN 978-5-7749-1206-3.

«Офшоры» (в оригинале «Offshoring») увидели свет в 2014 г., за два года до смерти автора. Это последняя книга Урри, которую непросто назвать академическим завещанием. Скорее перед нами вдохновенный политический манифест. Скрытие доходов, богатства и прибылей в налоговых убежищах вывело тему офшоров на уровень публичного обсуждения, но, как показывает Урри, офшоризация — явление, пронизывающее все современные общества. Офшорные виды деятельности, нередко секретные, охватывают такие области, как трудовые отношения, удовольствия, удаление отходов, энергетика и обеспечение безопасности. Появление могущественных и вездесущих офшорных миров стало серьезнейшим вызовом и для государства, и для граждан. В книге рассматриваются разнообразные формы офшоров в экономике, общественной жизни, политике и в отношениях с окружающей средой. В каждом случае офшоры производят новые формы власти, снимают ответственность с могущественного «офшорного класса» и ограничивают возможности для демократического управления.

Урри интересуют не сами офшоры, а процесс имманентной офшоризации мира. Сами же налоговые убежища — не более чем воплощенная метафора этого процесса. Урри не был бы мастером социологической риторики, если бы не смог подобрать теоретической метафоре соответствующего яркого образа: «Как-то Рейчел Карлсон назвала границу моря и суши странным и восхитительным местом, потому что каждый момент времени оно выглядит по-разному. Это промежуточная область — не вполне суша и не вполне море, не национальное государство, но и не офшор. За последние двести лет пляжи превратились из отталкивающих и опасных мест в области притяжения и желаний. <...> Многие из этих райской красоты пляжей расположены на Карибских островах. Здесь не редкость курорты, работающие по системе “все включено”: они предоставляют территорию для “офшорного” по сути потребления» (с. 127—128).

У книги два теоретических основания: эксплицитное и имплицитное. Сам автор называет своим вдохновителем Георга Зиммеля, его работу «Тайны и тайные сообщества». Работа Зиммеля посвящена проблематике, которую мы бы сегодня назвали информационной асимметрией в социальном взаимодействии. Это блестящее исследование «секретности» как универсальной социальной формы. Однако Урри интересуют экономические импликации секретности: «Есть три сферы тайного, которые особо тесно связаны с денежной экономикой. Во-первых, человек может разбогатеть, скрытно проведя небольшую сделку, о которой ничего не знают окружающие. Во-вторых, платежи могут быть скрыты и “защищены от публичности, что невозможно для ценностей в форме протяженных материальных объектов”. И, в-третьих, по мере роста расстояний ценность может изменяться “совершенно скрытно от наших ближайших соседей” <...> Кроме того, власть денег позволяет покупать молчание других и сохранять тайну» (с. 32). В борьбе с темными силами и тайными сообществами все средства хороши. Конспирологическое разоблачение «заговора богатых» составляет примерно половину книги.

Имплицитным теоретическим основанием исследования для Урри остается его собственная социология мобильности. Урри исключительно внимателен к технологической и юридической истории своего объекта. С чего начинается офшоризация? С изобретения грузового контейнера. В мире насчитывается более 5000 контейнерных судов. Более 90 % грузов в мире перевозится морем на этих судах. Контейнерные перевозки стали своего рода «Интернетом вещей» до всякого Интернета. Отдельный интересный сюжет — как эта социально-техническая система обретает собственную жизнь и создает спрос на «офшорные порты» с минимальным юридическим регулированием? Другой вопрос, который ставит Урри, — как соотносятся культурные и юридические фреймы, кодирующие действия людей «за побережьем»? По мнению автора, именно идеология морских свобод станет одним из культурных оснований офшоризации. Морю как стихии беззакония он посвящает отдельную главу.

Книгу «Офшоры» стоит прочитать всем, кто знаком с более ранними работами ланкастерского теоретика. Для новой генерации российских социологов Джон Урри — сакральная фигура, автор эпохального манифеста «Социология за пределами обществ» (2012), тонкий и ироничный наблюдатель социальной жизни,

эрудированный теоретик, создатель социологии мобильности, вдохновившей Джона Ло на разработку ланкастерской версии акторно-сетевой теории. Без Урри интеллектуальный ландшафт британской социологии был бы иным. Однако Урри — теоретик 90-х. Они закончились — и теории глобализации заметно потускнели. В своей последней книге британский социолог искренне пытается ответить на вопрос о причинах неудач теорий глобализации. Очевидно, что сегодня социологам «нужна теория современного мира, отличная от теории глобализации» (с. 29). Урри рисует образ будущего как колеблющийся между еще более экстремальными формами офшоризации и разнообразными стратегиями по возвращению «домой» всего того, что в наше время скрылось «за горизонтом».

Драгалина-Черная Е. Г. Неформальные заметки о логической форме / Е. Г. Драгалина-Черная. — СПб.: Алетейя, 2015. — 202 с. — ISBN 978-5-906823-54-0.

Новая книга Е. Г. Драгиной-Черной продолжает осмысление ключевых аспектов логики, начатое автором в монографии 2012 г. «Онтологии для Убеляра и Элоизы». Логика как философская наука, которую еще 150 лет назад считали остановившейся в своем развитии, пережив в XX в. революцию и разделившись на философскую и математическую ветви, со второй половины века утратила монополию на свой предмет. В когнитивной психологии, в лингвистике, в компьютерных науках сформировалось поле исследований когнитивных и коммуникативных актов, в которых реализуется логическое. Проблеме границ современной философской логики посвящена эта книга.

Автор отстаивает идею о том, что «выявление логической формы — это изобретательская, дизайнерская, инженерная деятельность, использующая ограниченный набор инструментов и ориентированная на определенные цели» (с. 126). Вопрос о логической форме — это вопрос философии логики, относительно новой методологической области исследований. Это область теоретической философии, развиваемая преимущественно исследователями, принадлежащими к аналитической философии (она зародилась в лоне логического позитивизма). Автор фокусирует внимание на понятии логической формы, краеугольном для логики — ведь именно с него принято начинать изложение курсов логики. Понятие логической формы выступает инвариантом двух важнейших категорий логического знания: истины и следования.

В первой части книги рассматриваются субстанциональные концепции (гилеморфизм), т. е. представления о логической форме как о некоей универсальной структуре умозаключений, корректность которых зависит от логической формы, но сама логическая форма существует независимо от них и подобна логической сцене, на которой разворачиваются умозаключения. В историческом ракурсе первая часть книги посвящена античной и средневековой логике, а также ее дальнейшему становлению вплоть до середины XX в. Автор аккуратно дискутирует с мыслителями прошлого, начиная с Аристотеля, его учеников и последователей, стоиков и позднеантичных мыслителей, а также схоластов и гуманистов, философов Нового времени и эпохи Просвещения и кончая классиками логической науки XX в. Читатель с интересом узнает, как понятие логической формы обретает концептуальные контуры в эпоху Средневековья, когда в трудах схоластов появляются конкурирующие трактовки гилеморфизма и нормативный характер логического следования начинают связывать не только со схематизмом фигуры умозаключения, но и с формализмом следования правилу.

Вторая часть монографии посвящена развитию понятия логической формы на концептуальном фундаменте экспрессивного ее понимания, в противовес субстанциональному характеру логического гилеморфизма. Автор предпочитает термин «динамическая формальность», когда формальность соотносится уже не с объектами (языковыми или модельными сущностями), а с целесообразными действиями агентов по определенным правилам. Автор верно подмечает, что «динамическая формальность характеризуется как следование правилу и антитезой ей является не материальное или содержательное, а неформальное в том смысле, в котором мы говорим, например, о неформальном лидерстве» (с. 103).

В начале XXI в. философы, логики, математики, лингвисты и специалисты в области искусственного интеллекта широко обсуждают вопросы о границах логического знания, где проблема *демаркации* логического и внелогического в формальных аспектах, а также логического и рационального стоит довольно остро в контексте успехов когнитивных наук. Вызревание этой проблемы стало результатом успехов двух тенденций. Одна из них — это философская логика и ее применение к различным аспектам интеллектуальной деятельности. Вторая представлена достижениями психологии, лингвистики и когнитивных наук. Это стремление, с одной

стороны, развенчать идеалы логических «стандартов» рациональности, а с другой — выявить устойчивую связь между интеллектом, сознанием и высшей нервной деятельностью, опираясь на проверенные временем научные методы, коренящиеся среди прочего и в логике.

Книга Е. Г. Драгиной-Черной представляет собой новую главу философии логики и преамбулу новой конституции логики. Она открывает перспективу для исследования и систематизации логических теорий на основе того, каким образом в них трактуется инвариант

перенесения истинного значения в процессе получения нового знания посредством выведения следствий. Нужно отметить легкость и лапидарность стиля автора. Подача материала в контексте конкретных проблем вызывает мгновенный интеллектуальный отклик. Книга будет полезной для читателя, который хотел бы составить общее представление о проблематике современной логической философии. Специалист найдет в ней не только свежий взгляд на известные вещи, но и ряд вновь осмысленных проблем, работа с которыми в науке только начинается.

Сост. канд. филос. наук, доцент Н. П. Кнэрт